

Борис Ветров

Приключения "чебурашки"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Ветров

Приключения «чебурашки»

«Автор»

2026

Ветров Б.

Приключения «чебурашки» / Б. Ветров — «Автор», 2026

Чебурашка в этой повести - не персонаж известного мультфильма. Это обычная бутылка ёмкостью 0,5 литра. Каждый раз после сдачи ее везут на комбинат и вновь заполняют каким-нибудь напитком. Бутылка попадает в разные компании и ситуации и становится немой свидетельницей разных событий - от драматических до курьёзных. Действие происходит в небольшом провинциальном городе в 1984 году, потому повесть будет интересно прежде всего тем, кто ностальгирует по ушедшей советской эпохе.

© Ветров Б., 2026

© Автор, 2026

Борис Ветров

Приключения "чебурашки"

Наименование:

стеклобутылка,

емк. 0,5 литра,

модель Хо-КП-500.

Цвет стекла: темно-зеленый.

Изготовлена стеклозаводом

г. Гусь-Хрустальный,

Владимирская область,

март 1984 года.

В народе такая бутылка

называлась «чебурашкой».

Товарный вагон звенел на рельсовых стыках. Пустые бутылки везли в Читу, на пиво-безалкогольный комбинат. Был светло-серый день. Пахло оттаявшей землей и тепловозным дымом. Тихо было в Сибири.

Состав двигался мимо поселков с черными избами, полустанков с каменными будочками билетных касс и бетонными платформами. До Читы оставалось 133 километра. На переезде мужик в солдатском бушлате и вязаной шапочке-петушке оглянулся на поезд, начал было считать вагоны, да сбился и пошел дальше. А там и Чита.

Ящики перетаскивали в кузов грузовика. Грузчики недовольно швыряли их друг другу, несмотря на хрупкость груза. Работа эта была неприбыльной. А на шестом пути уже ждали узбеки с вагоном яблок. Десять бутылок забрал в холщовую сумку Степаныч. В ней он приносил из дома обеды – стеклянные запотевшие банки с картошкой, котлетами или макаронами с фаршем.

– Степаныч, на кой тебе эта тара? Все равно ведь не сдашь!

– Места знать надо, – не торопясь, ответил Степаныч. Он уже приплюсовал к стоимости бутылок имевшийся у него свободный гривенник. Жена выдавала Степанычу деньги только на проезд, и даже папиросы покупала сама – он сильно пил. Степаныч решил купить «противотанковую» бутылку розового крепкого. Так и ушла бутылка за проходную.

Насчет мест Степаныч погорячился – после работы он безрезультатно обошел три гастронома. В первом отдел не работал. Во втором кроме пива ничего не было, а бутылки брали только на обмен. В третьем висело стандартное объявление, небрежно начертанное шариковой ручкой на куске оберточной бумаги: «Посуду не принимаем. Нет тары». Оставался винно-водочный магазин в самом верху улицы Журавлева. Идти было далеко, а что делать? Степаныч хотел выпить после ночной смены, и поэтому дошел.

Магазин открывался в 11 часов. Вокруг разбитой пластиковой двери стояла толпа. Сзади она была разреженной, но у дверной ручки плотность достигала максимума, как у ядра кометы.

– Кто крайний, мужики?

– За мной будешь – прогудел здоровый бич в брезентовой куртке с ромбиком «Мингео» на рукаве. За него цеплялся худой и остроносый, в сером пальто. На драповой спине виднелись отпечатки здоровых подошв.

– Посуду берут? Тара есть, никто не знает?

Толпа молчала. Каждый был погружен в собственные переживания и ощущения. Все переживали головную боль, стук в висках и тошноту. Только беленький старичок сказал чуть погодя, и не Степанычу, а куда-то в сторону:

– Есть вроде тара-то. Вчера пиво давали бутылочное...

Дверь защелкала с обратной стороны. Тетка в вязаной шали на плечах, еще не открыв, заорала:

– А ну, не напирать! Кому сказала! Всем хватит. Когда уж вы ее нажретесь – то?

В ее короткопалые шершавые руки и переключались все десять бутылок. Степаныч купил не «Розовое крепкое», а «Белое волжское», и плавленый сырок. Он суетливо ушел в лесок за телецентром, и в четыре захода выпил содержимое из горлышка. Покурил на пне, пощурился на мартовское солнышко, и потопал к себе.

Этим же днем бутылки прибыли в раздолбанном кузове ГАЗ-53 на пивзавод.

В моечном цехе было сыро и темновато. Звякала посуда на конвейере, шумела проточная вода, гулко раздавались голоса мойщиц.

– А костюм-то мы пошли покупать в «Молодожены», так там тока черные и были, а он мне говорит: «Мам, да я не хочу черный, мне серый надо, вот как у Вовки Глушкова-то был», – тараторила, выхватывая бутылки с конвейера, тетка с высокой седой прической.

– А чем ему черный-то не угодил?

– Так мода такая сейчас, куда денешься?

– Ой, модный. Сам-то три рубля хоть заработал?

– Так, а где же заработает он? С армии парень, понимать надо...

– Балуешь ты его, Клава. И невестка, поди, тоже на все готовое придет?

– Но, невестка-то хорошая... ждала ведь его. Кто сейчас ждет – то особо. А она ждала.

– Деревенская, поди?

– С Приаргунского района. Учится тут в кооперативке.

– О! Так ей замуж-то надо, что б в деревню не возвращаться, а ты: ждала-а-а-а!!!

– Но, ты скажешь тоже! Ей кооперативную квартиру родители покупают на Текстильщиках, шесть тыщ отдают, вот те и деревня! Ты то, вон, свою замуж выдала, а толку? Уж пятый год у тебя ютятся, тоже мне муж, объелся груш.

– Шесть тыщ... Это откуда ж у людей такие деньжищи-то?

– Так, а отец-то у нее так в правлении колхоза председателем работает, а мать-то главный бухгалтер. Да быков они сдают на комбинат в Борзе. Вот и считай...

Тетки замолчали. Бутылку погрузили в ящик и уволокли в цех розлива газвод. Сегодня разливали "Буратино". После того, как сладкая жидкость была укупорена зубчатой крышечкой, ящик с водой поволок в транспортный цех грузчик в черном халате. Но по пути к продбазовскому "ГАЗу" его тормознул второй, тоже в халате, но в темно-синем.

– Это, Юрбан, есть треха?

– А чего?

– Да, – темно-синий мялся, делал застенчиво – похабные глаза и шарил по карманам, – я сегодня с Людкой в кино собрался. С той, ну, со столовки, помнишь?

– Чего, приболтал, что ли?

– Но! Сама, главное, сегодня говорит – ну, в кино-то пойдем или каво ли?

– Так тебе трояк то хватит? А вдруг потом к тебе или к ней, купить там чего, жуй – муй...

– Да у меня петух то есть. Троебас еще, и ништяк. Займешь? С получки как штык, ты меня знаешь!

– Ну, давай, после смены. У меня в раздевалке.

– Ништяк, спасибо, – и грузчик убежал.

Бутылку везли в баню. Стояла она возле мощного локомотивного депо. Уголь в нее доставлял допотопный паровоз «овечка». Под его колесами местные пацаны плющили гвозди, и делали из них маленькие кинжалы. Окружающее пространство было усыпано угольной крошкой.

В бане было тепло и влажно. Пахло глаженным бельем. Мужчины, выходили из моечной, красные и неторопливые. Покупали по пять – семь бутылок пива, и устраивались на скамьях. В гулкой раздевалке беспрерывно бубнили голоса. Время от времени хлопала входная дверь.

– Во мля... хорошо!

– Рыбки дать? Свояк с Баунтово навез, я ему стакан точил на «Москвич». Вяленая!

– Ох ты, ебёныть, какой лещ! Давно не ел.

– Так, а что, мужики, под пиво-то, может и это... – кто-то украдкой показал из холщовой клетчатой сумки край горлышка водочной бутылки.

– Ну, так... – хозяин леща, задвигался и засуетился. Достал из кармана сверток, в котором кроме рыбы были еще вареные яйца и небольшой шматочек сала.

Разливали украдкой. На желтой стене висел плакат: «Спиртные напитки не распивать!»

Пили не торопясь, домой мужиков не тянуло.

– Ух... хороша курва!

– Но, «Столичная».

– Деньги будут, надо будет взять!

– Да где ты возьмешь-то ее?

– А ты где брал?

– Да в ресторане. Там баба у меня работает.

– Жена?

– Да не, так... ей пустую бутылку тока отдавать надо. Ну, рупь сверху.

– Ух, ни хрена себе, целый рупь. Это ж две пива и почти пачка «Беломора»!

– Но так, а чего хотел-то! «Столичная»!

Между тем пиво и водка закончились. Мужики уступили место на скамье другим свежемытым мужикам. В буфете остался лимонад. За ним повадилась бегать ребятня. Когда за прилавком стояла не злоющая татарка Фая, а анемичная одышливая Тая, лимонад им доставался. Фая же в самом начале рабочего дня вешала табличку: «Пиво – воды только для моющихся». В магазинах детские напитки появлялись редко.

В этот раз бутылку купили два пацана лет по десять. Они выпили ее, сидя на сырых бревнах в тихом проулке за заводским клубом. В чухлом военкоматовском скверике пищали воробы.

Одни пацан достал из недр коричневой куртки – судя по размеру, перешедшей от старшего брата, окуроч, и задымил. Сделав пару затяжек, передал другу.

– Я вчера такой у батки стырил из пачки две штуки «космоса». Он даже не заметил, прикинь?

– А чего тогда бычок курум? Или сам выкурил?

– Да не, Волоха отобрал. Сегодня утром. Козел.

– Но, козел. Он у меня вчера двадцаток забрал.

Приятель замолчал. Четырнадцатилетний хулиган Волоха регулярно портил им жизнь. И, как назло, он сам появился из-за угла. Хотел пройти, да увидел приятелей.

– О, шпана, здорово! – вроде бы приветливо поздоровался он и даже протянул руку – моластую, с грязными ногтями, но увенчанную у основания большого пальца татуировкой Л.Т.В.

Пацаны недоверчиво поздоровались с районным «шишкарем».

– Мелочи давайте?

– Нету, Волоха, вот только что лимонад купили.

– А где лимонад?

– Выпили...

– А мне оставили? – Волохе нужен был повод.

– Мы откуда знали, что ты придешь.

Волоха взял бутылку. Осмотрел ее, словно впервые увидел. Сейчас он, небрежно размахнувшись, швырнет ее под ноги пацанам, осколки брызнут в стороны, распугивая воробьев, и только уцелевшее доньшко будет блестеть на солнце, искрясь свежими сколами.

Но не бросил. Заметил Волоха своих приятелей – Родю и Француза, они деловито шли в гастроном, и по деловитости этой Волоха понял, что день удался. Он оставил бутылку пацанам, и двинулся за друзьями, а несостоявшиеся жертвы рванули в другую сторону. Бутылка осталась стоять возле бревен.

Подобрала ее Нина Трофимовна – уборщица из клуба ТРЗ. Оглядела со всех сторон, вытряхнула последние капли лимонада и сунула в дерматиновую коричневую сумку с обмотанными синей изолентой ручками.

Дома у Нины Трофимовны пахло вареным черносливом – у старика опять был запор. Сам он лежал на боку, на широкой старой кровати, застеленной зеленым пледом, и смотрел фильм про войну, повторяя через каждую минуту: «Понятно?», или: «Вот так вам, падлы!». Сам он не воевал – стране нужны были грамотные опытные машинисты. Но фильмы про войну любил.

Из второй комнатухи, такой же жаркой и душной, выпорхнула худая девочка лет шести, в пуховых носках и с жидкими косичками.

– Ой, это кто к нам пришел? – умилилась Нина Трофимовна, и лицо ее поплыло в ширину, – внученька моя пришла... ты с ночевкой?

– Ага, – деловито кивнула внучка, – папка в запое опять!

– Ох уж этот папка, ну ничего, сейчас мы суп варить будем, деда кормить. Старик, иди, готов твой чернослив. Может Бог даст, просресси наконец – то.

Вечером старики шепотом орали друг на друга на кухне, внучка спала.

– Гнать его надо метлой поганой, – надрывалась Нина Трофимовна, машинально сгибая конфетную бумажку в узкую полоску, была у нее такая привычка. – Ты посмотри, что делает тварь такая, месяц как человек работает, три месяца пьет. Нет, я завтра пойду, так и скажу – или лечись, мил человек, или вот Бог, а вот и порог!

– Но! Так он тебя и послушает. Шандарахнет еще чем-нить по черепушке, и что я один на старости лет делать буду? С него-то, алкаша, что возьмешь? Тут, я думаю, надо что бы Лидка заявление какое на него написала. В профком, например. Ты завтра-то лучше с ней поговори.

– А ты бы сам и поговорил, лежишь тоже целый день, как этот, да воздух портишь. Отец все ж таки. Сам бы и сходил.

– Да куда я пойду, ты видишь – колики меня замучили, шагу сделать не могу, ажно пополам сгибает.

– Жрать надо меньше! Нажресси и стонешь как раненый мерин.

– Это ты что? Намекаешь, что я на твои, что ли, жру? Да я ж всю жизнь горбатился! Это уж сейчас прижало. Я себе на тарелку супа заработал и пенсия то у меня побольше твоей

будет, а то, что ты полы ходишь мыть, так это от жадности своей. Думаешь, что тебя на тот свет с деньгами пустят?

– От дурак – то, да разве я себе? Помру – так хоть дочке с внучкой что-то да останется. Может хоть когда добрым словом вспомнят...

– Зять тебя добрым словом вспомнит. Как раз ему на месяц хватит твоих капиталов.

– Тьфу, поперечина старая, ему слово, а он тебе десять...

Старики раздраженно разошлись спать. Нина Трофимовна пошла к внучке, а дед еще долго ворочался на кровати, вздыхал и озабоченно трогал живот.

Через пару дней Нина Трофимовна, с сумкой и внучкой пошла сдавать посуду.

Старый магазин «Светофор» был популярен в округе. ОРСовское снабжение позволяло выставлять на витрины болгарские компоты и маринады, куриц, а иногда и колбасу. Правда, в этом случае, неведь как оповещенное население окрестных кварталов занимало очередь с шести утра. Зная, что давать будут не больше килограмма в руки, почти все тащили с собой детей. Те, что помладше, спали на руках у матерей в темной тишине толпы, старшие устраивали тут же игры или драки, и одергиваемые окриками, понуро возвращались в очередь, что бы через пару секунд опять улизнуть. Когда, наконец, с той стороны начинал скрежетать засов, толпа напрягалась, все становились собранными и немного торжественными, и нервно отесняя друг друга, втискивались в магазин.

Сегодня в «Светофоре» было буднично. На крыльце зеленого дома, обитого вагонкой, спорили мужики.

– Да хрена ли твоя «Яблочная»? На два глотка и нет ее и хоть бы хрен! Ерша надо!

– Херша! Ты посчитай сперва, а потом говори. На ерша еще тридцать копеек не хватает!

– Не ссы ты, щас найдем. О, Вадик, – окликнул кого-то апологет ерша, и спор прекратился мгновенно.

Бутылку поставили в ячейку ящика и отволокли его в подсобку. Там было холодно и накурено. Грузчик сел на мешок перловки, скинул верхонки, и задумался.

В этой подсобке бутылка прожила два дня, на третий она опять прибыла на пивзавод. И опять гулкий моечный цех.

– Ну, отгуляли?

– Ой, да не говори, слава тебе, Господи!

– Народу-то много было?

– Да все кого звали, кроме тебя!

– Ну, видишь, как оно вышло-то, все некстати.

– Да не говори.

– Ну как отгуляли-то?

– А хорошо. Свидетелю тока руку сломали, и все.

– О как!

– Да невесту-то воровали. В другой подъезд утащили, а мой-то с другом побежали отбивать, ну тому руку дверью и прищемили. Да он тока на второй день и заметил, когда рука опухла. Пиджак не мог надеть.

– Что подарили-то молодым?

– Ну, те родители квартиру купили кооперативную. Да я тебе говорила. А я – холодильник. Сватья-то добрая змея оказалась, все повторяла на свадьбе – ну молодые на все готовое придут, не то, что мы жили. Одни родители квартиру, другие – холодильник. Это она намекала, что мы подарок то бедный сделали. Так не все же воруют-то, как они.

– Да ты что? Воруют, что ли?

– А ты думаешь, быков-то они на мясо сами выкармливают? Да в общем стаде, колхозном. И корма прут оттуда же.

– От жуки!

– Да уж дадут они моему жизни-то, чувствую ...

А потом опять – склад.

– Юрбан, слышь, у тебя брат же вроде в больнице работает?

– Но, санитаром. В дурке, а что?

– Он уколы умеет ставить?

– Ты что! Он психов там охраняет, что бы не разбежались. А ты что, намотал, что ли на болт чего?

– Да Людка, прошмандовка...

– Это что, тогда что ли когда ты трояк занимал у меня?

– Но. После кино ко мне пошли, ля-ля, тополя... закапало короче.

– А она что?

– А что, я думала что вылечилась. Прощмандовка. Хорошо хоть порошок дала, только вот колоть некому...

– Мне один рассказывал, как определить – больная баба или нет. Надо там внизу рукой надавить ей – если больно будет – точно триперная.

– Да теперь... дави не дави, короче, не знаю, что делать...

Налитая «Жигулевским» пивом, с приклепнутой на горлышко этикеткой в виде толстого желто-синего полумесяца, бутылка приехала в гастроном на улице Калинина. Он располагался в бывшей купеческой постройке, в угловом здании. Крашенные желтые стены, традиционный шахматный кафельный пол: желтое с бежевым, в шахматном же порядке банки с «Завтраком туриста» на мраморной стойке за продавцом и пустота на прилавках мясного отдела. Редкие в утренние часы покупатели выбивали чеки в кассе и меняли их в отделах на хлеб, пирамидальные красно-синие пакеты молока и кульки из серой бумаги с крупами, макаронами и развесными конфетами. Продавщица с ярко-зелеными тенями на веках, в крахмальном кокошнике, набирала весовой товар алюминиевым совочком и насыпала его в те самые кульки, грохая на другую площадочку весов «Тюмень» толстенные гири. К одиннадцати часам у винного отдела собралось человек тридцать. Почти все – с одинаковым нездоровым блеском в глазах. Некоторые уже давно перешли в разряд хронических алкоголиков, некоторые только начинали движение в этом направлении и оправдывали себя сложными жизненными ситуациями, заключая оправдание в формулу «Не мы такие, жизнь такая». А некоторые просто попали в кратковременный штопор бытия. Но цель сейчас была у всех одна.

– Слышь, мужики, – традиционно начал, подойдя к двум молодым, студенческого вида парням, пожилой алкоголик. Пляшущие руки он прятал в карманах коричневого плаща, – добавь двадцать копеек, а? Умру, мля буду...

– Да пошел ты по трапу, – резкоотреагировали студенты, они были завсегда и подобных торговых точек, и знали уже, кто и что тут из себя представляет. Проситель сразу умолк и, не обидевшись, пошел высматривать новых меценатов.

За студентами стояли трое сорокалетних. В отличие от большинства, они не были алкоголиками и даже выпивали редко, но выпал свободный день – отгул за сдачу крови, а поэтому не выпить было нельзя. К ним алкаш – искатель двадцати копеек не подошел – такие могут и в лоб дать.

Мужики солидно, не мелочась, купили две поллитровки и три бутылки пива. В гастрономическом отделе выбрали пару соленых селедок, банку зеленых маринованных томатов и несколько плавленых сырков.

Отдыхать пошли к тому, у кого жена была на работе – такая компания не терпит согладатаев, и требует спокойной обстановки.

На маленькой чистенькой кухне, на столе, крытом веселенькой клеенкой с земляничными ягодами, расставили принесенное. Хозяин дома добавил к меню еще домашней капусты и посетовал на то, что огурцы уже закончились.

– Мало было в том годе, затопило ж все.

– Ладно, мы что ли, жрать пришли, давай уже садись...

Звякнули сдвинутые стопки – граненые, на коротких ножках.

– Ну, будем...

– Ох...мать моя в кедах...хорошо...

– Но эта ничего так...

– Капустки?

– Уф....

Молча жевали. Один полез за сигаретами. Но хозяин его остановил: курить на балконе. Тот передумал.

Налили по второй. Потекла размеренная беседа знающих и уважающих друг друга людей, уверенных в себе и друг в друге, и считающих свою немудреную жизнь единственно правильной, а на все прочее реагируя здоровым непоказным нигилизмом.

– А я как-то брал, как ее, эта «московская особая»...

– А, «зеленый змей» что ли?

– Но, зеленая такая. Ну, не здесь брал. В Ангарске, у брата, когда были летом. Ох, тоже хорошая, как вода идет.

– Она, ага, легкая, двойная очистка.

– А у меня сосед на даче как делает? Купит обычной водяры, потом угля нажжет из березы молодой, надо говорит, чтобы не больше пяти лет березе было, и через уголь пропустит, потом отстаивает ее сутки и сливает сквозь промокашку. А еще бывает, на смородине настаивает. Ох, и пьется хорошо!

– Так это сколько времени-то надо? Тут на дачу приедешь то, се, и выходные кончились. И выпить не успел.

– А ему-то чего, он пенсионер. Времени вагон.

– А у нас нет, так что наливай!

– О, это точно!

Крепкие зубы стащили с бутылки зубчатую крышечку, и в кружку полилась шипящая струя.

– Лакируем?

– Да еще кирнем!

Пока гости курили на балконе, хозяин принес из комнаты магнитофон – предмет семейной гордости. Сестра жены, работая в единственном специализированном магазине радиотехники «Фотон», что на улице Горького, помогла взять новинку отечественной промышленности – кассетник. Привыкшие к громоздким бобинным магнитофонам, жители страны оценили новшество и возвели его в культ. Вот и сейчас друзья сгрудились вокруг стола, на котором отражал металлизированной поверхностью весеннее солнышко магнитофон «Весна».

– Это сколько же помещается на такую? – вертел один из гостей в крепких пальцах слесаря – инструментальщика магнитофонную кассету с надписью МК-60-1.

– Час на обеих сторонах. А есть японские – те полтора часа. По сорок пять минут. Но те дороже – по червонцу, да и хрен где купишь.

- А такие почему?
- Четыре пятьдесят.
- Ого. Бутылка «андроповки»!
- И одно пиво без двух копеек.

Хозяин засунул кассету в магнитофон и прибавил громкость. Из динамика раздалось:

- У павильона «Пиво – Воды» стоял советский постовой...

Когда супруга вернулась с работы, на кухне уже не было никаких следов посиделок. Пол был подметен, посуда перемыта, мусор вынесен. Единственным напоминанием были пять бутылок в углу под раковиной. Но жена не ругалась. «Что уж, мужику и выпить нельзя? Дома пьет, культурно, не в стельку, как некоторые». И пошла варить щи.

На этой кухне «чебурашка» задержалась надолго. Хозяин дома выпивал редко, а из-за нескольких посуды стоять в очереди на сдачу стеклотары не хотелось.

Дни не отличались друг от друга. Утром первой вставала жена, кипятила воду в голубом эмалированном чайнике, варила кашу или делала омлет. Потом молча завтракал глава семьи, и убывал на завод. Позже мать расталкивала спящего сына, и сама отправлялась в химчистку – заполнять бланки заказов и выдавать вычищенные изделия. Вечером все сидели у телевизора, комментируя происходящее на экране. По воскресениям уезжали на дачу – наступал сезон. Возвращались в восемь вечера.

Но как-то сыну, срочно потребовался рубль на подарок ко дню рождения одноклассницы. Дома его не баловали и предложили сдать бутылки – вот тебе и рубль.

- Да ну, еще чего, – загундел тот, – подумают, что алкаш какой-то!
- Не хочешь – не надо, – по-спартански отрезала мать и ушла на работу. Делать было нечего, Виталька поплелся в магазин.

Повторился третий круг существования бутылки в этом мире. В моечном цехе все так же переговаривались в процессе обработки стеклотары.

- А я тебе что говорила? Стерва, она и есть стерва. А ты все – хороо-о-о-шая!
- Да кто ж знал то! Они, вон, год дружили, да два она ждала его.
- Ой, не известно еще ждала или нет. Может, ездили все, кому не лень. А твой-то и подобрал потом. Они ж не скажут.
- Да мой-то... Вчера пришел, говорит: мам, дай поесть. Ест, а я плачу. Голодный. Говорит – я утром в техникум пошел, а теща-то на кухне встала на пороге. Твоего, говорит, тут ничего нету, ты продукты не покупаешь. Так и пошел парень голодный!
- О! Ну а молодая-то что?
- Ну что! Она все – как мама скажет! Теща-то хочет, что бы он на заочку перешел да работать устроился, а зачем ему сейчас переходить, год остался. А там и работа сразу будет по специальности. А теща-то его учеником слесаря хочет устроить на эту... как ее... ну где «Жигули» ремонтируют. Там они деньжищи бешенные зарабатывают. А у тещи там землячок работает. Ну, а он-то не хочет слесарем, он же на машиниста учится. Вот они и грызут парня.
- От стервы! Вот те и купили молодым квартиру. А кого там купили, если теща-то с ними живет!
- Я уж сказала ему, сынок, пока детей-то не наделали, да брось ты ее к черту, есть у тебя дом, так и живи, и учись спокойно.
- А он?
- Да... молчит.

В третьем своем перерождении бутылка наполнилась минеральной водой. Ее украсили белым прямоугольником с силуэтом рыжего оленя на фоне черных сопок и такой же рыжей надписью «КУКА». Ниже мелким шрифтом шло перечисление минеральных веществ – анионов и катионов.

Минеральная вода тоже была продуктом довольно дефицитным, и в первую очередь направлялась в кафе и рестораны. В ресторан попала и наша бутылка.

Там был емкий дымный зал, одна стена которого представляла собой огромное разноцветное окно, схваченное стальными переплетами. Люди пили, ели, гомонили, курили, танцевали. Сновали официантки в черно-белом. На сцене, дергая в такт ногой, невысокий белобрысый в розовой рубашке исполнял: «Ли-ли-ли-ли-ли-ли-путик леденец лизал лиловый... кисло-сладкий, сладко-кислый, в общем, очень леденцовый». За его спиной работали на инструментах унылые, длинноволосые, усатые. Барабанщик все время смотрел в сторону выхода из кухни.

Бутылку поставили на стол между холодным мясом с брусникой и графинчиком. Двое враз выпили. Один забросил между рандолевых зубов ложку салата. Другой поспешно налил минералку в фужер с двумя золотыми каемочками – одной потолще, другой – потоньше. Хлебнул, сморщившись, и продолжил речь, несмотря на общий гвалт, негромким голосом и все время осматриваясь.

– Ну и скинули рыжье это гнилому бабаю. Идем возле бана – смотрим: Коля-Китаец и Свирид. Сели на бригантину, и к ним. Взяли горчиловки с жеваниной. Свирид матрешек привел. Моя тока на клык брала, спускать в мохнатку не давала. Ну, утром все по новой. Потом вот тебя встретил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.